

Толстой Лев Николаевич
Интервью и беседы с Львом
Толстым

Интервью и беседы с Львом Толстым

Это уникальное издание составили беседы, интервью и репортажи русских и иностранных журналистов о встречах с Л. Н. Толстым, опубликованные в русской периодической печати конца XIX - начала XX века. Впервые собранные воедино, они пополняют летопись жизни и творчества великого русского писателя, отражая отношение современников к личности Толстого, его философии. Каждая публикация, помещенная в книгу, доносит до читателя живой голос Льва Николаевича. Тематический диапазон его бесед необычайно широк: философия, эстетика и политика, крупнейшие явления мировой и русской культуры, текущий день и история, собственное художественное творчество.

Владимир ЛАКШИН. Лев Толстой глазами современников

Мы знаем Льва Толстого по его романам, повестям, рассказам, пьесам, философским и публицистическим статьям, дневникам и письмам. Но вот перед нами еще один необычный жанр, доносящий его живое слово, - беседы, интервью и газетные отчеты о встречах с яснополянским гением. Толстовское литературное наследие собрано и прокомментировано у нас с особой тщательностью. Не имеет себе равных по полноте текстов и основательности комментария 90-томное (Юбилейное) издание сочинений Толстого, осуществленное в 1928-1958 годах. После этого издания и специальных "толстовских" томов "Литературного наследства" находки новых автографов - писем или черновых рукописей писателя - стали большой редкостью. Каждая строка кумира нашей литературы на учете у специалистов-толстоведов. Заметным подспорьем для понимания творчества, взглядов и судьбы Льва Толстого стали дневники близких ему людей - В. Ф. Булгакова, А. Б. Гольденвейзера, Н. Н. Гусева, Д. П. Маковицкого и, конечно, С. А. Толстой. Немалое значение имеют и мемуары. Воспоминания о встречах с Толстым начали появляться еще при его жизни, а вскоре же после смерти хлынул настоящий мемуарный поток: журнальные публикации, отдельные книги, сборники воспоминаний. Уже в наши дни трижды, постоянно пополняясь, издавался сборник "Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников". За бортом сборников, объединивших собственно мемуары, оставались, однако, по большей части те беседы и интервью с Толстым, краткие, а иногда и весьма пространные газетные отчеты о встречах с писателем, какие появлялись при его жизни в отечественной и зарубежной прессе. Эти интервью и беседы с Толстым никогда не были собраны, лишь малое число их перепечатывалось к юбилейным датам в позднейшие десятилетия, а большая часть была и вовсе забыта и затеряна. Погребенные в подшивках пожелтевших газет и не отмеченные даже тщательными библиографами, они оставались в большинстве своем неизвестными не только широкому читателю, но и специалистам-толстооведам.

1

В России газетное интервью с наиболее значительными лицами политического или литературного круга стало повседневностью лишь с 80-90-х годов прошлого века. Газеты существовали и при Пушкине, Гоголе, Лермонтове, но никто бы не вздумал брать у них интервью. Не давали газетам интервью и Достоевский, Тургенев, Некрасов. Сама эта форма еще не прижилась и не казалась законной или общеинтересной. Но со второй половины 80-х годов живая беседа с писателем, отчет о встрече с ним стали пробивать себе дорогу на страницы русских газет, и первым из "интервьюируемых", конечно, стал Лев Толстой.

Фигура "яснополянского старца" - писателя, философа, страстного протестанта, религиозного реформатора - с каждым годом вырастала в глазах читающей России. В 1891 году Н. Н. Страхов писал в статье "Толки о Л. Н. Толстом": "Малейшие известия о том, что пишется и как живет в Ясной Поляне, газеты помещают наравне с наилучшими лакомствами, какими они угощают своих читателей, т. е. наравне с политическими новостями, с пожарами и землетрясениями, скандалами и самоубийствами. Может быть, со времен Вольтера не было писателя, который производил бы такое сильное действие на своих современников" (*).

(* Вопросы философии и психологии, 1891, № 9, с. 98-99. *)

В самом деле, примерно с 1885 года в Ясную Поляну, как некогда в Ферней к Вольтеру, стекались паломники, желавшие видеть писателя и говорить с ним. Зимы Толстой обычно проводил в Москве, и его дом в Долго-Хамовническом переулке осаждали тогда корреспонденты русских и иностранных газет, давние почитатели "Войны и мира", новообращенные последователи его философии, да и просто любопытствующие. Его гостями бывали студенты, курсистки, фабричные рабочие, учителя, сектанты, крестьяне отдаленных губерний, семинаристы, репортеры, священники, актеры, ученые, музыканты, художники, врачи, юристы, ремесленники... Двери дома были гостеприимно открыты, и никому не было заказано ступить на его порог - даже никаких предварительных рекомендаций не требовалось. Потрясенные встречей с Толстым, его личностью, его обращенной к любому и поражающей своей откровенностью беседой, многие посетители Толстого, не говоря уж о профессионалах-журналистах, спешили запечатлеть свои беглые наблюдения в заметках, становившихся достоянием газет. По количеству печатавшихся материалов можно судить о возрастающей всероссийской и мировой славе писателя. Сначала одно-два интервью с Толстым в год, потом - встречи с ним каждый месяц, далее - едва ли не каждую неделю. В 1908-1909 годах газетные репортеры выслеживали, казалось, уже каждый его шаг. Помимо представителей московских, петербургских, одесских и других русских газет у Толстого в разное время побывали корреспонденты из Англии, Франции, Америки и других стран. Толстой никому не давал интервью в нынешнем смысле слова, по принципу "вопрос - ответ". Но он охотно поддерживал свободную беседу и не уклонялся от разъяснения тех вопросов, какие интересовали гостя: разговор велся обычно с живой непринужденностью. Конечно, мера его содержательности зависела и от уровня интересов, личности собеседника. Однако едва ли не каждый посетитель Толстого выносил из встречи что-то свое, подмеченное и записанное лишь им. В беседах с гостями Ясной Поляны, в том числе и с профессиональными журналистами, Толстой затрагивал широкий круг вопросов, по сути, все, что волновало в тот момент его самого или отвечало интересам собеседников: новинки литературы, музыки, живописи, повседневный круг чтения обсуждались Толстым с той же страстностью, что и новости политики и науки, религиозные и философские вопросы. В какой мере, однако, можно доверять основательности и точности этих газетных и журнальных сообщений? На первый взгляд литературные мемуары в сравнении с летучими репортерскими отчетами - жанр более обдуманый и солидный. Мемуарист, как правило, располагает преимуществом дистанции времени: в его возможностях отсеять все частное и бросить должный свет на фигуру великого современника. Но

интервью и беседы, появившиеся на газетной полосе "по горячему следу", сразу же после самой встречи или с малым промежутком после нее, обладают, в сравнении с поздними воспоминаниями, и своими достоинствами. Мемуарист, собравшийся спустя годы восстановить подробности облика и подлинные слова великого человека, часто поневоле "досочиняет" на ходу. Лишь в тех случаях, когда в основу воспоминаний кладутся дневниковые записи, непосредственно приближенные к памятной встрече, можно рассчитывать на их достоверность. Трудно возлагать надежды на столь капризный, субъективный и избирательный инструмент, как человеческая память, работающая с заметными подмесами воображения. Закон, давно обнаруженный психологами: то, что автор воспоминаний несомненно видел и слышал сам, легко сливается в причудливую амальгаму с тем, что он вычитал к книге, узнал с чужих слов. Я уж не говорю о тех, тоже нередких, случаях, когда события "выпрямляются" и "подгибаются" в согласии с предвзятой точкой зрения или роль мемуариста бывает раздута в угоду тщеславию. Не сбросишь со счетов и то обстоятельство, что мемуары, напечатанные иногда годы и десятилетия спустя после смерти знаменитого собеседника, лишены главного контроля - возможных возражений с его стороны. Во всех этих отношениях жанр газетного отчета, беседы или интервью, разумеется также не свободный от субъективной окраски, в целом все же более надежный источник, чем большинство мемуаров о писателе. Суть обстоятельств и разговора, как правило, передается в нем точнее, конкретнее. Да и как иначе? Вооружившись карандашом и блокнотом, корреспондент обыкновенно ведет живую запись или, на худой конец, запечатлевает беседу по свежему впечатлению, оставшись один. В тот же самый или на следующий день еще не составляет труда восстановить подробности и весь ход разговора слово за словом, тогда как приводимая в воспоминаниях, написанных спустя десять или двадцать лет, прямая речь прославленного современника производит натянутое впечатление. Кроме того, интервьюер поневоле чувствует дополнительную ответственность: "герой" его интервью всегда может прочесть описанную в газете встречу и резко реагировать на возможные неточности. В письмах, дневниках, записях секретарей Толстого не редкость встретить указания на то, что он читал в газете проведенное с ним интервью; бывало, что писатель поправлял задним числом или, напротив, одобрял побывавшего у него журналиста. Этой нравственной узды начисто лишен мемуарист, сочиняющий свои воспоминания после смерти того, кому они посвящены. Вот почему, наверное, в отличие от мемуаров, наиболее содержательные интервью могут быть включены даже в состав сочинений писателя. Так, в недавнем Собрании сочинений И. А. Бунина в разделе "Приложения" напечатаны и его газетные интервью. С того момента, когда к известности Толстого-художника добавился его авторитет мыслителя и общественного проповедника, его имя не сходило со страниц русских и иностранных газет: нами разыскано более двухсот интервью и бесед с писателем разных лиц, по преимуществу журналистов-профессионалов. Трудно переоценить значение этого источника для изучения взглядов, творчества и биографии писателя. Однажды, разговаривая с репортером "Новостей дня" Н. М. Никольским, Толстой произнес добрые слова о его профессии: "А ведь это - дело хорошее и интересное. Благодаря ему, что случилось в одной части города, становится известно в других частях, что случилось в городе - становится известным в России, Европе... Дело полезное - сообщать,

оно способствует общению людей между собою" (*).

(* Новости дня, 1900, 9 января. *)

В другой раз он неожиданно высказался о технике журналистского письма, сопоставив ее не без лукавства со своей работой художника: "- Хотя я очень близко и не знаком с газетным миром, но к работникам его всегда чувствую некоторую зависть. - Почему так? - Журналистам не приходится так уходить в работу с головой, отдаваться всем телом и душой своей идее и, наконец, испытывать те родовые муки, которые неизбежно всегда сопровождают появление на свет божий какого-нибудь произведения. Независимо от этого у журналистов вырабатывается техника, которой, признаюсь, даже у меня совсем нет" (*).

(* Курьер торговли и промышленности, 1895, 14 декабря. *)

Не следует, впрочем, представлять отношение Толстого к современной ему печати и журналистам как идиллию. Он не раз высказывался о газетах и газетчиках критически или с долей иронии, иногда на долгое время просто прекращал их читать. Известен рассказ о том, как однажды он вовсе перестал выписывать в Ясную Поляну какие-либо периодические издания, рассудив, что ничего нового для тех задач душевного мироустройства, какие его занимают, он там не найдет. Прошло несколько лет, и один из гостей настойчиво рекомендовал ему заинтересоваться какой-то опубликованной недавно статьей. Обратившись к Софье Андреевне, Толстой посетовал, что этой газеты или журнала нет в их доме, и просил с нового года вновь подписаться на наиболее известные издания. Начав после нескольких лет перерыва вновь читать московскую и петербургскую прессу. Толстой, однако, был разочарован: он мог подумать, что что-то пропустил, чего-то не узнал, а на газетных полосах было все то же, что годы назад, те же "вопросы", те же споры, даже слова и фразы знакомые... Имеется, впрочем, документальное свидетельство, что Толстой, как пишет его секретарь Н. Н. Гусев, уже в последние годы регулярно проглядывал за утренним чаем одну из ежедневных утренних газет. "Сначала при мне такой газетой было "Новое время", - пишет Гусев, - затем Лев Николаевич сменил его на "Русь", в которой находил два достоинства: газета эта печатала наверху первой страницы сведения о количестве смертных казней и приговоров за день (этот вопрос жгуче волновал Толстого. - В. Л.), а также перечень выдающихся событий за минувший день. Затем, летом 1908 года. Лев Николаевич стал читать "Слово" и др." (*).

(* Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. М., 1973, с. 358. *)

Среди корреспондентов газет и журналов, посещавших Ясную Поляну, Толстой выделял некоторых журналистов, вызывавших у него профессиональное и человеческое доверие. В их числе нельзя не упомянуть корреспондента "Нового времени", известного театрального критика и драматурга Ю. Д. Беляева и корреспондента газеты "Русское слово" С. П. Спиро. Эти журналисты не однажды беседовали с Толстым по разным вопросам и положили себе за правило точно передавать все оттенки мысли и сам способ выражения писателя. Точность была частью их журналистской этики. Не всегда, конечно, слова Толстого воспроизводились в печати верно. В иных случаях газетчики, особенно мелкотравчатых "бульварных" изданий, склонны были внести элемент сенсации в свои сообщения о Толстом, иные их сведения преувеличены и недостоверны, так что необходим тщательный отбор, проверка и комментирование этого материала. На характер интервью накладывала печать и личность интервьюера, его собственные цели и

пристрастия, способ ставить вопросы и манера выражать свои мысли. Не зря Толстой заметил как-то, что с умным собеседником - умнеешь, с глупым - глупеешь... Среди посетителей Толстого встречались бесцеремонные репортеры, которые не брезговали тем, чтобы расцветить газетную страницу вымышленными подробностями о "визите к графу" или приписать ему слова, каких он сроду бы не произнес. Бывали и вовсе анекдотические случаи, когда журналист, побывав накоротке в Ясной Поляне и поговорив лишь с извозчиком, доставившим его от станции, а после с родными и прислугой, разукрашивал газетный рассказ перлами собственного воображения. "...Я бываю изумлен иногда, - прочитав будто бы "свою" речь, - сказал как-то Толстой корреспонденту "Нового времени". Приезжал ко мне недавно один господин и попросил позволения напечатать нашу беседу. Я разрешил. Но слава богу, что этот визитер прислал мне свое писанье на предварительный просмотр: боже мой, чего только не сочинил автор статьи! Я просто диву дался" (*).

(* Новое время, 1899, 6(18) марта. *)

Вопиющие случаи таких недостоверных "бесед с Толстым" вызывали возмущенные отклики в печати его близких, друзей, а также известных литераторов, желавших охранить достоинство автора "Войны и мира" от притязаний наглой бульварщины. Так, Н. С. Лесков дважды выступал в газетах с фельетонами по поводу появившихся в 1888 году в двух номерах "Русского курьера" рассказов о пребывании в Ясной Поляне некоего Штанделя. За девяносто минут этот репортер "успел сделать девять совершенно фальшивых наблюдений, средним числом он каждые десять минут принимал что-нибудь одно за другое или даже видел то, чего совсем нет" (*).

(* Лесков Н. С. О хождении Штанделя по Ясной Поляне. - Собр. соч.: В 11-ти т. М., 1958, т. 11, с. 199. См. также статью Лескова "Девочка или мальчик?" (там же, с. 200-202). *)

Случай со Штанделем не был такой уж редкостью. В газете "Юмористическая копейка" появилась даже некая пародия на этот жанр под заглавием "Толстой и интервьюер": "Промучив 12 часов Софью Андреевну, 12 часов Татьяну Львовну и 12 часов Александру Львовну, интервьюер принялся за Льва Николаевича. - Правда, что вы граф? - спросил интервьюер. - Правда! - Правда, что вы носите блузу? Я хоть вижу это, но хотел бы для верности услышать это от вас самих. - Правда! Так допрашивал он Льва Николаевича три дня и три ночи. Четвертый день интервьюер начал следующим вопросом: - Правда, что вы проповедуете непротивление злу? - Правда, - ответил Лев Николаевич. И добавил с приятной улыбкой: - У меня есть даже доказательства. - Какие? - встрепнулся интервьюер. - Вы еще до сих пор не были спущены с лестницы..." (*)

(* Юмористическая копейка, 1910, No 68. *)

Понятно, что в разумной доле скептицизма и критическом взгляде нуждается едва ли не любое газетное сообщение о встречах и беседах в Ясной Поляне. Но есть случаи, когда достоверность сведений о Толстом в газетной статье неоспорима, а прямая речь писателя, приведенная в интервью, может быть приравнена к авторскому тексту. Это те случаи, когда безусловно доказано, что Толстой сам просмотрел текст интервью или газетного отчета перед публикацией или даже собственноручно выправил его в гранках. В 1903 и 1906 годах в Ясную Поляну приезжал с заданием редакция уже упоминавшийся сотрудник

газеты "Новое время" Юрий Беляев. Известный журналист, он понимал, насколько ответственное дело предавать гласности беседу с Толстым. И, вернувшись в Петербург, в обоих случаях заблаговременно посылал в Ясную Поляну набор своей статьи, чтобы Толстой мог внести необходимые поправки и уточнения. Гранка первой из этих статей с многочисленными исправлениями и вставками Толстого на полях недавно была обнаружена в фондах Ленинградского театрального музея в составе коллекции книг и автографов Протопопова. Еще в 1912 году эта гранка с энергичной правкой Толстого была воспроизведена в крайне редком библиографическом издании "Библиотека В. В. Протопопова" (Спб., 1912) (*). Работа писателя над этой корректурой не оставляет никакого сомнения в том, как внимательно относился Толстой в иных случаях к воспроизведению своих слов и оценок в печати.

(* См.: Лакшин В. "...Точность прежде всего!" - Журналист, 1978, No 9. *)

12 июня 1906 года Толстой писал Беляеву: "Возвращаю Вам, любезный Юрий Дмитриевич, корректуры Вашего очень хорошо составленного фельетона" (*). Есть все основания говорить о полной авторизации этой беседы Толстого с журналистом. В дневниках С. А. Толстой и секретарей писателя, зарегистрированы и другие случаи просмотра Толстым корректурных оттисков своих интервью. Толстой предварительно знакомился со статьями о себе корреспондента "Руси" А. Зенгера, корреспондента "Русского слова" С. П. Спиро, журналиста Н. Чудова из "Орловского вестника" и некоторых других своих посетителей.

(* Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та т. Юбилейное изд. М., 1928-1958, т. 76, с. 160. Далее все цитаты из Толстого даются по этому изданию с указанием лишь тома и страницы. *)

2

При чтении этой книги читателя, мало знакомого с полным противоречий, парадоксальным и ярким способом мысли Толстого, многое способно ошеломить, и, может быть, более всего - отсутствие почтения к любым авторитетам. В "философических замечаниях" 1846-1847 годов совсем еще молодой Толстой писал: "Я начинаю историю моего познания с того момента, до которого я шел одинаково с другими". Общеизвестное заранее выносится за скобки, каждое утверждение представляет собою скрытый или явный спор. Враг любой банальности, касается ли она расхожего вкуса, интеллектуальной моды или навязшего в зубах школьного постулата. Толстой смело заявлял протест, основываясь на здравом смысле, изучении или просто проницательной догадке. Дерзость мысли, отвержение полуправд, уклончивостей и компромиссов сообщали могучую силу его гению. Конечно, в конкретных случаях политики, философии и эстетики это не спасло его и от множества ошибок, опрометчивого увлечения и поспешного суда - тем более наглядных, чем яростнее настаивал он на своем. Но та же страсть Толстого к бескомпромиссной правде, как он ее понимал, представила в ясном, нагом свете истины множество проблем, до той поры закомуфлированных угодливым сознанием, деспотизмом моды или равнодушием обыденного рассудка. В разговорах с посетителями Ясной Поляны и Хамовников Толстой касался самых различных тем, но с наименьшей охотой говорил о своем художественном творчестве. Тем интереснее нам все, даже скупое оброненные, замечания Толстого о собственной работе, художественных замыслах поздних лет: романе "Воскресение", повести "Хаджи-Мурат", не воплощенных, но занимавших его долгие

годы сюжетах "Подмененный ребенок" и "Николай I и декабристы". Он писал в эту пору и пьесы: "И свет во тьме светит", "Живой труп", присутствовал на репетициях "Власти тьмы" в Малом театре. Его много расспрашивали об этом, и он отвечал охотно. Замечания Толстого о том, как трактовать роли Акима или Никиты, - готовая программа для артиста. Литературные вкусы Толстого резко определены и порой пристрастны. С огромным уважением поминает он в публикуемых беседах имена Пушкина, Гоголя, Герцена, Достоевского. Однако скептически отзывается о критиках-шестидесятниках и даже о Белинском, некогда им высоко ценимом (см. Дневник 1856 г.). Непримиимо высказывается Толстой о всех разновидностях модного декадентства; поддерживает, дружески критикуя по частным поводам, новое поколение русских писателей-реалистов. Глубокий интерес проявляет Толстой к Чехову и Горькому, а из более молодых - к Леониду Андрееву и Куприну. Многие его оценки и здесь остры, пристрастны и субъективны. Так, высоко ценя прозу Чехова, он решительно отвергает его как драматурга (*). Скептически отзывается Толстой о пьесе "На дне" и вообще о теме босняка у молодого Горького. За рамками публикуемых интервью остались, однако, другие высказывания Толстого о Горьком: он признавал заслугу Горького в том, что тот "в натуральную величину" изобразил мир обездоленных обрванцев и сделал по отношению к ним то же, "что в свое время сделали Тургенев, Григорович по отношению мира крестьянского...". В дневнике за 11 мая 1901 года Толстой уточнил свое понимание темы молодого Горького: "Мы все знаем, что босняки - люди и братья, но знаем это теоретически, он же показал нам их во весь рост и заразил нас этой любовью" (т. 54, с. 98).

(* См. об этом в кн.: Лакшин В. Толстой и Чехов. 2-е изд. М., 1975. *)

Непривычно, дерзко звучат и многие оценки Толстым признанных явлений мировой культуры. Он нападает на сложившиеся веками репутации, как будто хочет нарочно эпатировать публику. Однако дело тут не в прихотях вкуса, хотя Толстой всегда разрешал себе прямо выражать то, что чувствует, и не терпел в оценках прочитанного и услышанного ни малейшего притворства. К явлениям искусства, помимо непосредственных суждений "нравится" или "не нравится", он пытался приложить строгие мерки христианского, религиозно-нравственного содержания, как он его понимал. Вследствие этого он упорно отрицал драмы Шекспира, скептически относился к творчеству Гете и явно недооценил Бетховена. Впрочем, художественная впечатлительность нередко поправляла хмурый суд моралиста, и Толстой с восхищением говорил журналистам не только о дорогих его сердцу просветителях - Лихтенберге и Руссо, но не скрывая своего увлечения поэзией Гейне или музыкой Шопена, хотя и спешил оговориться, что это выглядит как бы исключением в свете его общего понимания задач искусства. Конечно, осуждение Толстым "Божественной комедии" Данте или драм Ибсена не заставит нынешнего читателя поколебаться в отношении к прославленным именам и усомниться в их созданиях. Но толстовские оценки, всегда недвусмысленные и прямые, помогают глубже понять особенности его собственной эстетики: крупный талант избирателен, часто полемически отталкивает от себя чужеродное ему, и с тем большим задором, чем несокрушимее кажутся признанные репутации. Искренний максимализм, откровенность и независимость суда подкупает и в суждениях Толстого на общественные темы. В беседах со своими посетителями Толстой охотно откликается на "злобу дня", события современной

ему политической жизни: с резким неодобрением отзывается о деятельности Государственной думы; в пору англо-бурской войны выступает в защиту народов Южной Африки; высказывается по поводу греко-турецкого конфликта вокруг Крита; осуждает политику репрессий царского правительства по отношению к сектантам и т. п. Толстой отзывается на события Кровавого воскресенья 9 января 1905 года. В его голосе - слезы и гнев, когда он говорит о смертных казнях. Конечно, приходится учитывать, что многие болезненные темы внутренней жизни России, волновавшие Толстого, не могли найти себе отражения на страницах газет подцензурных и зависимых. Но и получившие выход в печать мысли Толстого, как, например, его суждения о русском "парламентаризме" или аграрном вопросе, звучали крайне дерзко, еретически. Толстой неизменно оставался, говоря словами В. И. Ленина, "срывателем всех и всяческих масок". Хотя Толстой и рассуждает обычно как воинственный архаист, в живом своем облике он предстает человеком нового времени, стоящим на пороге или уже перешагнувшим в XX столетие. Он пользуется "вечным" пером, его снимают в синематографе, он наговаривает тексты на восковые валики аппарата Эдисона и интересуется успехами воздухоплавания. Но в главном он остается верен природе и земле, выражает опасение, как бы прогресс науки и техники не ущемил естественного бытия человека на его планете. Он страшится наступления века "автоматов-машин" и, вопреки общим надеждам, не верит, что аэропланы как новое могущественное средство войны сделают ее бессмысленной и переменят судьбу человечества. Кое в чем он упрямо наивен, но оказывается порой проницательнее своих благодущных современников, упоенных успехами технического прогресса и не склонных замечать постепенного оскудения природы и других горьких плодов пышно цветущего древа цивилизации. Противоречия мысли Толстого, отмеченные В. И. Лениным, сказываются и в публикуемых беседах. Они заметны прежде всего в его полемике с материализмом, проповеди религиозно-нравственных идеалов, в проклятиях "современному Вавилону" - городу, в отрицании роли революционного насилия. Все это, разумеется, никуда не денешь из совокупности взглядов Толстого. Нынешнему читателю куда проще, чем современникам Толстого, отделить "предрассудок" писателя от его "разума". Но интересно отметить, что даже некоторые из беседовавших с Толстым журналистов, далеко не во всем соглашаясь с ним, апеллировали к будущему историческому опыту. "Я уже не раз во время беседы замечал, - пишет Е. А. Соловьев (Андреевич), выступавший под псевдонимом Скриба, - что всякие несогласия и возражения очень неприятно действуют на Толстого. Он раздражается и говорит зло, красиво, с воодушевлением. Здесь он доказывал невозможность стачек, безумие каких бы то ни было баррикад и революционных попыток, говорил о Чингисханах с телеграфами, о том, что парижский макадам (щебенная мостовая) сделал немислимыми баррикады, и о том, что такой макадам теперь везде и повсюду. Я, впрочем, думаю, что эту часть моего разговора с Толстым читатель с гораздо большим интересом и гораздо большей пользой для себя прочтет в "Русской старине" 1953 года" (*) (т. е. через 50 лет - В. Л.).

(* Одесские новости, 1903, 22 июля. *)

В наше время и впрямь смешны надежды Толстого на то, что замена булыжника - привычного "оружия пролетариата" - щебенкой на мостовых сделает невозможными революционные бои на городских улицах. Все это проверено и